

В павильоне среди беседок и террас мелодично звенели струны цитры, вторя журчанию воды в искусственном ручье. Музыкантша, облаченная в полупрозрачные шелка, изящно двигалась в такт мелодии, мгновенно приковывая взгляды окружающих.

Когда музыка стихла, толпа разразилась аплодисментами и восторженными возгласами.

— Цитра хороша, вот только мастерство подкачало. Исполнительница не смогла передать истинной прелести этой мелодии, — мягко заметил Ли Жолю, и Хунсю, не сдержавшись, прыснула со смеху.

Музыкантша, привыкшая угадывать настроение публики, тут же уловила этот смешок и пришла в ярость, но, взглянув на прекрасное лицо Ли Жолю, на мгновение застыла. Окружающие обернулись на голос. Если музыкантша была хороша собой, то красота Ли Жолю ослепляла, и все взоры тут же приковались к нему.

Музыкантша едва не задыхнулась от возмущения, но с напускной искренностью произнесла:

— Раз уж мое искусство разочаровало господина, быть может, вы окажете честь и дадите пару советов?

В толпе послышались обеспокоенные шепотки — люди поняли, что за этими словами скрывается вызов, но именно этого Ли Жолю и ждал!

Ли Жолю сложил руки в приветственном жесте:

— Не смею учить, лучше просто обменяемся опытом.

Жун Жо, чье имя когда-то было брошено в Восточном Городе и всеми забыто, не обладал глубокими познаниями в каллиграфии или музыке. Лишь ради Цянь Вэньхана он усердно оттачивал свое мастерство, но, увы, не был оценен по достоинству и сгинул в неизвестности.

Ли Жолю не любил играть на цитре. Его руки привыкли к крови, и все эти проявления чувств были для него одновременно и ахиллесовой пятой, и острым оружием.

Когда он начал перебирать струны, мелодия Старые чувства, словно магнит, потянула людей со всех сторон. От нежного и вкрадчивого перебора до грохота битвы, от горечи расставания до радости встречи, от утраты до возрождения — печаль сменялась счастьем, и чарующие звуки постепенно затихли, оставив слушателей в оцепенении.

Пока толпа не могла прийти в себя от восторга, сквозь нее пробился седой старик и громко спросил:

— Кто здесь Жун Жо? Кто такой Жун Жо?

Люди недоуменно переглядывались. Ли Жолю поправил полы одежды и поклонился:

— Это я, Жун Жо.

Старик впился в него жадным взглядом, поднял зажатый в руке лист бумаги и спросил:

— Это твоя каллиграфия? У кого ты учился?

Ли Жолю взглянул на копию, которую сам же и оставил, и ответил с предельной искренностью:

— Учителя не было. Жун Жо с малых лет жил один, денег на наставников не имел, приходилось лишь брать старые книги да копировать написанное. Прошу прощения за убожество!

— Не учился... ни у кого не учился... — пробормотал старик, снова и снова вглядываясь в лист. Вдруг он словно о чем-то догадался, схватил Ли Жолю за руку и воскликнул: — Скажи, не желаешь ли ты стать моим учеником, чтобы мы вместе изучали каллиграфию?

Увидев безумный блеск в глазах старика, кто-то из толпы воскликнул:

— Это же господин Чу, наш Цзюньгун!

Цзюньгун Чу Лян был героем-основателем, лично пожалованным титулом еще покойным императором. Единственной его страстью была каллиграфия, доведенная до фанатизма. Человек гордый, не знающий светских условностей и постоянно задевающий других, он, однако, обладал таким высоким статусом, что никто не смел ему перечить. Его называли Великим мастером Чу, и он никогда не брал учеников.

Эти слова прозвучали подобно грому среди ясного неба.

Чу Лян отмахнулся, не придавая значения титулам, и радостно продолжал настаивать, даже перешел к соблазнам:

— Жун Жо, ну что, согласен? У меня дома полно древних свитков, можешь изучать их в любое время!

Толпа ахнула. Эти драгоценные свитки стоили целые состояния, и Чу Лян всегда отказывал всем желающим, а тут — такая удача для этого Жун Жо!

Под пристальными взглядами окружающих Ли Жолю не стал ломаться: он взял чай у Хунсю и, склонившись, произнес:

— Жун Жо приветствует учителя!

Благодаря талантам и покровительству Великого мастера Чу, имя Жун Жо мгновенно прогремело на весь Восточный Город. Едва вернувшись на постоянный двор, Ли Жолю обнаружил, что его уже ждут с приглашениями — сам цензор из резиденции Чжан предлагал огромную сумму за выступление.

— Господин, вы поистине предсказатель! Брак между семьями Цянь и Чжан не за горами, Цянь Вэньхань точно там будет.

Ли Жолю ответил с мрачной усмешкой:

— Это лишь первый шаг. Когда увидишь того негодяя, Хунсю, постарайся сдержаться.

— Не беспокойтесь, господин. Ради того, кто сейчас в мире теней, я не допущу ошибок.

В день празднества резиденция цензора Чжан была переполнена гостями.

— Господин Жун, просим сюда!

Ли Жолю вместе с Хунсю, следуя за слугой, прошел в гостевой павильон дожидаться начала. Ли Жолю едва заметно кивнул, и Хунсю, поняв его без слов, осталась караулить у входа. Вскоре показалась карета, из которой вышли глава Министерства чинов Цянь Юань вместе с сыном Цянь Вэньханем.

— Господин, они здесь. И не только семья Цянь, семья Жун тоже приехала.

— Раз собрались все зрители, пора начинать представление.

Ли Жолю снял ткань с цитры, полоснул ножом по струнам и, обняв инструмент, направился к выходу.

— Хунсю, не забудь пригласить нашего министра посмотреть спектакль.

— Поняла.

Резиденция цензора была великолепна — убранство не уступало императорскому дворцу. Молодой император недавно взошел на трон, казна пуста, а эти господа жируют, словно паразиты на теле государства Юэ.

Ли Жолю сидел в беседке над водой и перебирал струны, погружая всех в дурман.

— Жо-эр...

От неожиданного голоса Ли Жолю вздрогнул, струна лопнула, порезав ему палец. Увидев кровь, Цянь Вэньхань бросился к нему:

— Ты поранился, больно?

Ли Жолю в испуге подался назад, а так как позади была вода, Цянь Вэньхань инстинктивно обнял его за талию, притягивая к себе:

— Осторожнее.

Тело юноши в его руках было мягким, от него исходил приятный аромат. Воспоминания нахлынули на Цянь Вэньханя, и он невольно сжал объятия.

— Жо-эр...

Ли Жолю, окутанный горячим дыханием мужчины, наполнил глаза слезами и, упираясь в грудь Цянь Вэньханя, попытался оттолкнуть его:

— Господин Цянь, прошу, ведите себя пристойно.

Услышав на днях о прославленном талантом юноше по имени Жун Жо, Цянь Вэньхань был взволнован, а теперь его догадки подтвердились. Он был не в силах отпустить Жун Жо, хотя и нуждался в жене из знатного рода, которая помогла бы ему в карьере. Со временем он бы забыл прошлое, но теперь, увидев это еще более прекрасное и желанное лицо, он не мог совладать с собой.

Чем сильнее Ли Жолю сопротивлялся, тем крепче Цянь Вэньхань прижимал его к себе:

— Жо-эр, я был неправ. Я не могу без тебя, я жалею о том, что случилось! Давай не будем расставаться, а? Я скучал по тебе, так сильно скучал!

Его руки начали блуждать по спине юноши. Слез, которые Ли Жолю с таким трудом выдавил из себя, почти не осталось, но он вырвался из объятий и проговорил со слезами в голосе:

— У господина Цянь большое будущее, я не могу стать камнем на вашем пути. Я здесь сегодня лишь для того, чтобы выступить, и скоро уеду. Прошу вас, берегите себя.

Сказав это, он бросил на Цянь Вэньханя последний долгий взгляд, сдерживая рыдания, натянуто улыбнулся и повернулся, чтобы уйти.

В памяти Цянь Вэньханя всплыли картины прошлого: Жун Жо всегда был нежен и покладист, соглашался на любые его прихоти, даже самые нескромные. Видя перед собой плачущего юношу, сердце Цянь Вэньханя дрогнуло.

Он в два шага догнал его и снова притянул в объятия:

— Жо-эр, не уходи! Я не могу тебя отпустить, давай начнем всё сначала! Я больше никогда не предаю тебя.

Ли Жолю снова попытался вырваться, но в следующую секунду улыбнулся — улыбкой ослепительной и роковой. Он обнял Цянь Вэньхана в ответ, словно плача от счастья:

— Вэньхань, ты говоришь правду?

— Конечно!

Цянь Вэньхань был готов поклясться небом, и, боясь, что юноша не поверит, даже снял и отдал ему свой личный нефритовый кулон.

Они помирились. Цянь Вэньхань целовал пальцы Ли Жолю и осторожно их перебинтовывал. Ли Жолю застенчиво прятал взгляд, но не пропустил, как в дверях арки мелькнула чья-то фигура, в гневе взмахнувшая рукавами.

Что ж, представление началось!

<http://bllate.org/book/21905/2275643>